

Глеб Шульпяков

г. Москва

а старуха из-за гаража
– и качается стая ворон

где этот птичий гомон, где
всё билась о причал
доска на каменной воде
– и вся ее печаль,
куда пропали, побросав
костюмы, господа,
зачем на веслах старый граф –
и в сапогах вода,
стучат на лавках в домино,
летит на борт канат
– там будет вечное кино
и желтый лимонад,
а здесь железная трава
и мокрое бельё
полощет в небе рукава
– и зарастет быльём

что хочет человек и что он ждет,
когда внутри него уже не жжёт,
а звякает негромко, равномерно,
как пряжка на моем ремне, наверно,
– что видит он, когда он видит дом
над лесом и рекой, окно и в нем
себя, в руке дрожащей чашку чая
сжимавшего, поскольку жизнь такая,
что вот она – а завтра ее нет
потом он выключает в доме свет
и дерево придвинулось вплотную –
затем, что жизнь – отверстие в другую,
в которой снег висит на волоске
– тобой пока не тронутой тоске

что напишет под утро снежком,
я уже научился читать –
ковыляет старуха с мешком,
а могла бы как птичка летать
– по такому снежку не спеша
хорошо до никитских ворот,

пальто

набрасывается на человека –
обрывает ему пуговицы, хлястик;
выворачивает рукава и карманы
трёт / мнёт / рвёт / режет
а потом выбрасывает на вешалку,
и человек висит в кладовке –
забытый, никому не нужный
– и тяжело дышит,
высунув розовую
подкладку

в моём углу – бревенчатом, глухом
такая тишина, что слышно крови
толкание по тесным капиллярам
да мерная работа древоточцев –
ни шеи, ни руки не разгибая,
в моем углу я словно гулливер,
то с этой стороны трубы подзорной
смотрю вокруг – то с этой
(меняя мир по прихоти моей),
но слышу только равномерный скрежет
– пройдет еще каких-нибудь полвека,
изъеденный, дырявый – угол мой
обрушится под тяжестью себя
и только скобы новый гулливер –
изогнутые временем, стальные
поднимет из травы на свет и скажет
умели строить

МОЙ СТИХ

слепой, как птица на ветру,
облепленный пером
чужих имен – как вкус во рту,
который незнаком –
на вечном обыске, по швам
все ищет край времен,
как много будущего – там,
как холодно мне в нем

В ДЕРЕВНЕ

человек остается с самим собой –
постепенно дымок над его трубой
поднимается ровным густым столбом,
но – перед тем как выйти с пустым ведром,
чтобы элементарно набрать воды,
человек зажигает в деревне свет,
развешивает небо, расставляет лес,
подклеивает к небу картонные облака,
а потом устраивает метель или гром
(в зависимости от времени года) –
в сущности, этот человек с ведром
просто переходит из одного дома в другой –
и остается собой

моя стена молчит внутри;
на том конце стены горит

фонарь или окно без штор –
отсюда плохо видно, что
я слышу только скрип камней
прижмись ко мне еще плотней
кирпич бормочет кирпичу –
стена молчит, и я молчу

во мне живет слепой угрюмый жук;
скрипит в пустой коробке из-под спичек
шершавыми поверхностями штук
хитиновых – и кончиками тычет –
ему со мной нетесно и тепло
годами книгу, набранную брайлем,
читать в кармане старого пальто,
которое давным-давно убрали

кому-то облако во благо,
кому-то темный переход –
бежит бездомная собака,
как будто кто-то ее ждет;
из чернозема смотрят окна,
горит под окнами закат –
давно повесил бы замок на
да жалко брошенных щенят

старых лип густая череда
гнезда в липах словно черепа –
тихо наверху во тьме стучат:
завтра будет сильный снегопад
а пока на небе карусель,
плещет в небе стая карасей,
комья по настилу, гром копыт –
я стою, зима во мне летит

часовую на башне крути, машинист,
карусель, упражняйся в счетах –
я отвечу тебе, что не слишком речист,
и не густо в моих закромах;
что живу на земле возле каменных стен
и годами не вижу огня –
но когда он горит, появляется тень;
посмотри, как танцует она